

1911 год безусловно следует считать одним из последних аккордов в прелюдии к катастрофе, постигшей Россию в 1917 году. Сто лет назад произошли два события, имевшие самые губительные последствия для духовного и политического здоровья Российской Империи. В том, что оба они произошли в Киеве, Матери городов Русских, Крещенской купели Святой Руси, можно усмотреть особый сакральный смысл.

Первым из этих событий стало убийство 12/25 марта 1911 году отрока Андрея Ющинского. В ходе расследования была выдвинута версия о его ритуальном умерщвлении евреями. Судебный процесс по этому уголовному делу, более известный как «Дело Бейлиса», состоялся спустя два года, в октябре 1913 года.

И сто лет назад, и сегодня киевский процесс никого не оставляет равнодушным, а отношение к нему проводит четкую грань даже между близкими людьми. Немного найдется прецедентов в российском, да и в общемировом судопроизводстве, которые обрастали бы таким невероятным количеством противоречивых слухов, домыслов и интерпретаций. Русское общество оказалось расколотым делом Бейлиса надвое. На одном полюсе находилась т.н. прогрессивная интеллигенция, а на втором – те, кого в советские времена было принято называть черносотенной реакцией. Это разделение еще больше обнажило непримиримые противоречия между теми, кому были нужны «великие потрясения», и теми, кому нужна была «Великая Россия».

Безусловно, сокрушительный удар по последним нанесло убийство премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина 5/18 сентября 1911 года. Смерть выдающегося государственного деятеля, великого реформатора и истинного патриота оставила больше вопросов, чем ответов.

В 1905-1906 годах революционеры-бунтари, метко названные Ф.М. Достоевским бесами радостно потирали руки. Все те, кто по словам В.И. Ленина должны были мобилизовать любые средства «Бомбы и динамит, террор единичный и массовый, все, что может содействовать народному восстанию», опьяненные кровью и вседозволенностью, не сомневались в конечной победе. Но, совершенно неожиданно для них главой правительства был назначен человек, чей жизненный принцип был выражен в одном предложении: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу».

Петр Аркадьевич Столыпин был одним из очень немногих действительно национальных политиков, который всеми силами защищал культурные, исторические и религиозные ценности русского народа. Именно в национализме обвиняли премьер-министра враги всего русского. Но национализм национализму рознь. Сын Столыпина, Аркадий Петрович, писал об отце: «Живя и работая в крае, в котором сказывалось влияние трех народностей – польской, литовской и еврейской, Петр Аркадьевич узнал их сильные и слабые стороны. Широко просвещенный и воспитанный в культурных русских традициях, он привык с уважением относиться к правам инородцев, но огонь национального самосознания разгорелся в нем ярким пламенем».

Великий реформатор был премьер-министром всего пять лет, но успехи, достигнутые страной за это время, поражают воображение. Прямолинейность и последовательность в действиях в нем сочеталась с бесстрашием и настоящей христианской жертвенностью. Величие Третьего Рима было его целью, его идеалом, ради которых он был готов отдать и отдал свою жизнь. Всем псевдо-либералам и террористам, пытавшимся заставить его отказаться от намеченного курса, всем поливающим его грязью, всем стремящимся уничтожить его физически он ответил коротко и ёмко: «Не запугаете!».

Истинный православный, убежденный монархист, Столыпин решительно отстаивал незыблемость государственных устоев Империи. Он говорил: «Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собою ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при условии всех сынов ее оберегать и укреплять эту власть, сковавшую Россию и уберегающую ее от распада».

Столь же он жестко противопоставлял свою негибкую волю тем, кто хотел лишиться Государство Российское его Православной сущности. Когда в 1909 году в Думе был разработан законопроект о свободе вероисповедования, Петр Аркадьевич решительно выступил против некоторых его статей, в частности предложение комиссии о провозглашении в законе свободы перехода из христианства в нехристианство (ранее на подобный переход могло потребоваться разрешение властей). Не оспаривая необходимости веротерпимости и свободы совести, Столыпин заявил: «...раз провозглашена свобода вероисповеданий, то отпадает надобность всякого разрешения гражданских властей на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, что нашим законодательством не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество, то величайшему сомнению должно быть подвергнуто

предложение комиссии, о необходимости провозглашения в законе свободы перехода из христианства в нехристианство».

Тут же он указал на основное противоречие законопроекта: «С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, которые не знают открытого признания перехода из христианства в нехристианство, с другой стороны, комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип невероисповедного состояния. Однако торжество теории одинаково опасно и в том, и в другом случае: везде, господа, во всех государствах, принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь... Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздававшиеся в церкви слова – для этого молящегося люда – слова божественные. И народ, ищущий утешения в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду – закон не карает. Но этот же народ не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что Православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством... Наша задача не состоит в том, чтобы приспособить Православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь свечечку вероисповедной свободы совести в пределах нашего Русского Православного Государства. Не отягчайте же наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в Русском Государстве и что утверждать его будет Русский Царь, который для слишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный».

Безусловно, главным детищем Петра Аркадьевича стала земельная реформа, делающая крестьянина настоящим собственником земли. И сто лет назад, и сегодня, находится немало людей, которые ставят Петру Аркадьевичу в вину разрушение сельской общины. Так о. Лев (Лебедев) в книге «Великороссия. Жизненный путь» пишет: «Но в XIX в. уже очень заметным становится крестьянство другое, с новой психологией стяжателя. Из него выходят «мироеды» и «кулаки», в нём типической фигурой становится «хитрый мужичок», единственной святыней которого является «землица» (из-за неё он готов прирезать и соседа, и барина, независимо от того, как тот к нему относится). В такой среде живёт скрытая или явная ненависть к господам, процветают лживость, притворство, игра сродни лицедейству. Скоро, в начале XX в, в таком крестьянстве расцветает безбожие и хулиганство. Такая крестьянская среда – надежда масонов и демократов, а также П.А. Столыпина».

Очень жаль, что такой выдающийся церковный историк, как о. Лев, поставил на один уровень масонов и Столыпина, между которыми не было ничего общего. Но и сам автор «Великороссии» признает безусловно вредное влияние общинного устройства. Крестьянская община с самого начала стала бременем на шее русского мужика. Круговая порука и постоянные переделы земли отнюдь не способствовали духовному, а в особенности материальному, здоровью русского села. Обладая воистину колоссальными земельными и человеческими ресурсами, Россия использовала их исключительно неэффективно. И это Петр Аркадьевич, как государственный муж и истинный православный патриот, понимал достаточно хорошо. Также он прекрасно осознавал, что именно бедность, безысходность и несправедливость толкает мужиков на бунты, часто «бессмысленные и беспощадные». А ведь крестьяне составляли тогда преобладающую часть населения Империи. И именно зажиточный крепкий

хозяйственник, средний класс, как бы его определили сегодня, и должен был бы стать надежной опорой государства и короны. Именно на это и была направлена аграрная реформа.

О. Лев (Лебедев), несмотря на негативное отношение к решению Петра Аркадьевича опереться на крепких хозяйственников-индивидуалистов признает безусловный успех столыпинских преобразований: «Результаты реформы превзошли все ожидания. Резко повысилась урожайность, так что Россия вывозила до 1/4 своих хлебов за границу и стала основным поставщиком хлеба в Европу... Такого бурного подъёма сельского хозяйства, какой произошёл с 1907 по 1911 г.г. в связи с реформой, Россия не знала ещё за всю свою историю! “Дайте нам ещё 20 лет мира внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!” – говорил П.А. Столыпин. К 1914 г. страну во многом было уже “не узнать”».

Но эти преобразования коснулись не только сельского хозяйства. Практически во всех аспектах политической и экономической жизни чувствовалась негибкая воля и рачительная рука премьер-министра. Его личный пример, доходчивые аргументы и простота в общении заставляли стыдливо замолкать противников и убеждали колеблющихся в правильности действий правительства. А.П. Аксаков писал о нем: «Откуда же черпал Столыпин эту поражающую неустрашимость и эту богатырскую, все побеждающую силу? Кровь предков громко говорила в нем и давала подъем и русское национальное направление его убеждениям; но главные силы он находил в душе своей, а душа его была глубоко христианская и глубоко русская; в роднике веры и любви к Родине черпал он свое мужество. “Он так верил в Бога, – говорили люди, близко его знавшие, – что дай Господи так верить служителям алтаря”. Он так глубоко и горячо любил Россию, а в деле любви, – как говорит апостол и евангелист Иоанн, – “несть страха”! И бесстрашие его вытекало из этого настроения, которым он жил; знал же он один только страх, это – страх Божий, поэтому то он и мог так смело и бесстрашно смотреть в глаза опасности. Притягательной силой, присущей его личности, была равным образом и его репутация удивительно трудолюбивого и вполне чистого человека; на нем не лежало ни одного грязного пятна – вещь редкая и трудная для политического человека. Наконец, помогали ему и его исключительные способности, а прежде всего его ораторский талант».

За сравнительно короткий срок в государстве решительно и жестко был наведен порядок и созданы условия для небывалого экономического подъема. Это вызывало ярость не только у революционеров, «либералов» и ультраправых радикалов, но и массы завистников в царском окружении. К сожалению, надо признать, что в последний год жизни Столыпина значительно ухудшились и его отношения и с Императором Николаем II. Вполне возможно, что отставка премьер-министра была предрешена. Однако, несмотря на это, Петр Аркадьевич никогда не ставил под сомнение авторитет царской власти, хотя всегда решительно отстаивал перед монархом свою точку зрения. В понимании Столыпина слова «Царь» и «Россия» были нераздельны. Его верность короне, а следовательно и России была беспримерна. Смертельно раненый он слабеющей рукой благословил Государя.

От мгновенной смерти Столыпина спас крест Св. Владимира, в который попала пуля террориста Мордехая Багрова, и, раздробив который, изменила прямое направление в сердце. Но с первых же минут Петр Аркадьевич предвидел смертельный исход. «Я знаю, что приближается смерть» – говорил он, отдавая последние распоряжения.

Испытывая тяжкие физические страдания, он почти все время находился в сознании, исповедался и причастился Святых Таин, читал вслух молитвы. Сам нуждаясь в помощи, он до последней минуты думал о России, о русских людях и заботился о безопасности Государя. «Передайте Государю, – просил он – что мне не страшно умирать за него». Как и всю свою жизнь, он продолжал верить в людей и любить их, хотя, казалось, что люди сделали все, чтобы разбить эту веру. По словам присутствующих при его кончине, в минуты начавшейся агонии, в бреду он все еще думал о тех, для кого так много потрудился и несколько раз Петр Аркадьевич повторил: «Граждане! Граждане!».

Столыпин промыслительно хотел быть похороненным там, где его настигнет смерть. Доказательством чистоты помыслов Петра Аркадьевича и нелицемерной христианской жизни, положенной за други своя, можно считать то, что вечный покой великий сын России обрел на святой земле Киево-Печерской Лавры.

Поставив Россию в начале XX века на перепутье перед выбором пути, Господь явил сразу три православных идеала – святого Государя Николая II, всероссийского батюшку, прав. Иоанна Кронштадтского, и нелицемерного слугу Веры, Царя и Отечества, Петра Аркадьевича Столыпина, в котором в полной мере воплотились самые лучшие черты служивого люда Святой Руси. К сожалению, в духовном ослеплении большая часть русского народа не смогла разглядеть эти знаменья.

Святые последних времен учат, что без покаяния в грехе отступничества не будет возрождения Руси, так пусть же это наше покаяние отразится и в общей молитве за упокой души великого сына России, который «За благо русскаго гражданина сложил и свою жизнь. А мы знаем слово нашего Божественнаго Учителя: “больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя” (Ин. 15. 13). Это слово должно внушать нам уверенность, что и почивший раб Божий болярин Петр, за свою любовь к своим соотечественникам, за свой земной подвиг услышит от нелицеприятнаго Судии блаженный и вожденный глас: добре, рабе благий и верный: “о мале (Ми) был еси веренъ, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего” (Мф. 25. 23)» (Прот. Николай Писарев Речь пред панихидой по П. А. Столыпине. 7 сентября 1911 года).